

Михаил Яковлевич Дымарский

*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена*

Язык без метода или метод без языка? (проблема типологии синтаксических связей в современной русистике)

Ключевые слова: синтаксис, синтаксическая связь, синтаксическое отношение, синтаксическая конструкция, метод

Key words: syntax, syntactic link, syntactic relation, syntactic construction, method

Summary

A number of authoritative typologies of syntactic links is discussed in terms of methodological reflection. It is shown that most of the typologies are based on a presumption of syntactic links and syntactic relations identity. Another method, based on a strict distinction between syntactic 1) links, 2) relations and 3) constructions, is proposed, as well as a version of a general syntactic links typology derived from these prerequisites.

0. В лингвистике эксплицитное обращение к проблемам методологии исследования происходит не столь уж часто. Существует логика науки, требующая осознанного выбора метода уже на начальном этапе исследования, – и существует логика занятий наукой. Первая вытекает из высокой теории – вторая зиждется на практике, которая представляет собой отнюдь не воплощение теории, а некое произведение жизненных реалий и универсальных закономерностей интеллектуального и психологического становления ученого. Эти две логики не совпадают. Поэтому типична ситуация, когда соискатель ученой степени, уже завершивший работу над текстом диссертации, испытывает мучения от того, что во Введении и автореферате необходимо указать, какие методы применялись в исследовании. Целенаправленная методологическая рефлексия зачастую воспринимается как нечто излишнее, если работа вы-

полняется по уже существующим образцам, в русле определенной парадигмы и в рамках определенной традиции внутри этой парадигмы.

В тех же – немногочисленных – случаях, когда исследователь осознанно стремится к изначальной методологической определенности, проблема метода неизбежно выходит на первый план, поскольку она сущностно связана с наиболее фундаментальными вопросами языкознания: ведь выбор (или формирование) метода в значительной мере определяется тем, каким ученый видит свой объект, какой представляет его природу и тп. В качестве одного из недавних примеров сошлюсь на цикл монографий О.В. Лещака [Leszczak 2008; 2009; 2010]: показательно, что первый том этого цикла целиком посвящен выработке методологии исследования.

В исследованиях, рассматривающих типы синтаксических связей, вопрос о методе, как правило, не ставится; это относится, во всяком случае, к большинству концепций, о которых пойдет речь ниже. Вместе с тем, существуют работы несколько другого рода, отмеченные хотя бы относительной методологической артикулированностью. Казалось бы, такое различие позволяет предсказать, что в работах второго рода результаты должны быть более убедительны. Анализ показывает, что такое предсказание было бы поспешным.

Рассмотрим несколько концепций, так или иначе представляющих систему синтаксических связей. Важная оговорка: будем исходить при этом из представления о нетождественности понятий синтаксической связи и синтаксического отношения. Причина принятия этой предпосылки заключается не столько в том, что такова моя точка зрения, сколько в том, что за этой точкой зрения стоит целая традиция, не учитывать которую при обращении к рассматриваемой проблеме было бы некорректно.

1. В центре синтаксической системы **О. Есперсена** – две категории: **юнкция** и **нексус**. Первой в целом соответствует понятие подчинительного словосочетания; под второй же О. Есперсен подразумевает структуры, явным или скрытым (свернутым) образом отражающие акт предикации: к их числу относятся не только предложения, но и конструкции с т.н. «сложным дополнением» (complex object, ср. Его пример: *I heard her sing*), вторичной предикацией (*He painted the door red*), разнообразные инфинитивные конструкции.

Термины **юнкция** и **нексус** используются О. Есперсеном настолько универсально, что можно утверждать, что они обозначают и два широких типа синтаксических единиц, и два типа синтаксических отношений, и два типа связи. Трактовка нексуса как, в частности, типа синтаксической связи очевидна, например, в следующем высказывании автора: «„Новое“ не всегда содержится в сказуемом; однако оно всегда заключается в с в я з и подлежащего и сказуемого, т.е. в самом факте соединения этих двух компонентов, или, иначе, в „нексусе“» [Есперсен 2006: 164; разрядка автора].

2. **Л. Теньер**, назвавший I часть своего обширного труда «Синтаксическая связь», в определении связи весьма лаконичен:

Собственно говоря, то, что мы называем связью, и выражает само слово «синтаксис», означающее по-гречески ‘расположение’, ‘установление порядка’. Кроме того, этому понятию, отражающему внутреннюю природу предложения, соответствует *innere Sprachform* ‘внутренняя форма языка’ В. Гумбольдта [Теньер 1988: 23].

Другими словами, Л. Теньер отказывается здесь от попытки определить синтаксическую связь онтологически. Далее, однако, он более конкретен: «Синтаксические связи устанавливают между словами отношения зависимости. Каждая связь объединяет некоторый вышестоящий элемент с нижестоящим» [Теньер 1988: 24].

Таким образом, если рассматривать систему Л. Теньера в терминах традиционной классификации связей, синтаксическая связь для него есть всегда связь **подчинительная**, в том числе и связь подлежащего и сказуемого, поскольку он исповедовал вербоцентрическую концепцию предложения¹. Что же касается сочинения, то такого понятия Л. Теньер не использует (а потому и оппозиция сочинения – подчинения в основаниях его системы отсутствует). Однако он вводит понятие **юнкции**, имеющей принципиально иную природу, нежели синтаксическая связь (в его трактовке)²: она является результатом «раздвоения» – или, шире, «умножения» – одного из «узлов» синтаксической структуры, – умножения, не затрагивающего «структурный порядок», а значит – и семантическую структуру предложения [Теньер 1988: 30; 337]. Иными словами, юнкция у Теньера – это именно то, что чаще именуется сочинительной связью. При желании в следующей формулировке Л. Теньера можно усмотреть противоречие исходным положениям: «При удвоении два члена, выполняя одну и ту же структурную функцию, уподобляются друг другу, и идентичность функции приводит к возникновению *связи* между ними. Эта *связь* и составляет сущность юнкции» [Теньер 1988: 337; курсив мой. – М.Д.]. В самом деле: либо здесь говорится не о синтаксической связи (но тогда возникает вопрос: о какой же, если речь идет именно о синтаксисе?); либо – если имеется в виду связь, соответствующая исходному определению, – между двумя «юнктированными узлами» устанавливается подчинение (но это противоречит тезису об их равнофункциональности и лишает смысла введение понятия юнкции); либо синтаксические связи все-таки не всегда «устанавливают между словами отношения зависимости», и исходное определение охватывает не все синтаксические связи, а только их часть. Однако для нас важно не это; важно то, что, в конечном счете, в системе Л. Теньера представлены два вида синтаксической связи (соотносительные с понятиями сочинения и подчинения), причем подчинительная связь охватывает и то, что в других системах именуется предикативной связью.

Следует, однако, отметить, что, кроме понятий (собственно) синтаксической связи и юнкции, Л. Теньер эпизодически использует и оппозицию

¹ О следствиях «крайнего» вербоцентризма Л. Теньера см., в частности: [Гак 1988: 12–13].

² Необходимо подчеркнуть, что термин *юнкция* имеет у Теньера и совершенно иное значение, нежели у Есперсена.

паратаксиса и гипотаксиса, хотя место этой оппозиции в его системе не определено. В одном случае он устанавливает тождество между парами понятий «паратаксис – гипотаксис» и «сочинительная структура – подчинительная структура», причем здесь же использует термины «сочинительная связь» и «подчинительная связь»:

1. Последний из рассматриваемых здесь типов метатаксиса³ заключается в том, что сочинительной структуре в одном языке соответствует подчинительная структура в другом.
2. Сочинительная структура представляет собой два означаемых, расположенных на одном и том же структурном уровне. Такое расположение означаемых называется **паратаксисом**; греч. *para* означает здесь, что два узла помещены рядом друг с другом. Термин греческого происхождения «паратаксис» равнозначен термину латинского происхождения франц. *coordination* ‘сочинение’. На стемме *сочинительная связь* изображается с помощью одной горизонтальной линии.
3. Напротив, подчинительная структура – это помещение одного означаемого ниже другого. Такое расположение означаемых называется **гипотаксисом**; греч. *hupo* означает здесь, что один узел расположен ниже другого. Термин греческого происхождения «гипотаксис» равнозначен термину латинского происхождения франц. *subordination* ‘подчинение’. На стемме *подчинительная связь* изображается с помощью одной вертикальной линии [Теньер 1988: 328; п/ж шрифт автора, курсив мой. – М.Д.].

В другом же случае Л. Теньер характеризует паратаксис как «наиболее простой способ соединения синтаксической связью одного глагольного узла с другим», как «настоящую семантическую связь, не имеющую маркера» [Теньер 1988: 538]. Эта характеристика дается связи в конструкциях с прямой речью. Ясно, что здесь приравнивать паратаксис к сочинению невозможно; более того, паратаксис здесь заключается только в соположении компонентов, ибо и равноправие компонентов конструкции с прямой речью (смысловое ли, грамматическое ли) констатировать невозможно; не случайна довольно широко распространенная трактовка отношений между этими компонентами как объектных, то есть как разновидности подчинительных отношений.

Таким образом, хотя оппозиция паратаксиса – гипотаксиса в работе Л. Теньера используется, ее содержание и место в системе синтаксических представлений автора определены недостаточно ясно. Связь же как таковую Л. Теньер приравнивает к подчинительному отношению.

3. Л. Ельмслев сводит все возможные синтаксические связи к трем типам: **интердепенденции** («взаимные зависимости, при которых один член предполагает существование другого и наоборот»), **детерминации** («односторонние зависимости, при которых один член предполагает существование другого, но не наоборот») и **констелляции** («более свободные зависимости, в которых оба члена являются совместимыми, но ни один не предполагает существование

³ Метатаксисом Л. Теньер называет специфические явления, возникающие при переводе синтаксической конструкции с одного языка на другой, чему посвящена особая глава «Основ структурного синтаксиса».

другого») [Ельмслев 1960: 284]. Очевидно, что и в данном случае в качестве типов связи рассматриваются разные отношения, поскольку зависимость есть не что иное, как отношение; субкатегоризация зависимости дает не типологию связей, а типологию разных типов одного и того же отношения.

4. А.И. Смирницкий выделяет следующие 4 типа синтаксической связи:

а) **предикативная** – связь между главными членами предложения;

б) **атрибутивная** – связь между определением и определяемым;

в) **комплетивная** (или **дополнительная**) – «наиболее характерна для дополнения и обстоятельства <...> главным и наиболее характерным для нее, в отличие от атрибутивной связи, всегда остается то, что слова вводятся в предложение посредством этой связи дополнительно, по мере развития предложения, как самостоятельные единицы, а не как члены определенных синтаксических групп»;

г) **копулятивная** – связь между однородными членами предложения [Смирницкий 1957: 173–184].

А.И. Смирницкий поставил в центр своей синтаксической системы предложение как грамматическое единство, а в качестве центральной категории предложения он рассматривает предикативность. Поэтому и основанием для классификации связей он избирает роль, которую играет та или иная связь в конституировании предложения. Выстраивается иерархия: предикативная связь (важнейшая) – комплетивная (вторая по важности, т.к. она вводит в предложение «слова... как самостоятельные единицы») – атрибутивная – копулятивная.

Принципиальный характер в системе А.И. Смирницкого, с нашей точки зрения, имеют два положения: 1) не только выделение предикативной связи как особого типа, но и признание за ней ведущей роли в организации предложения; 2) разграничение атрибутивной и комплетивной связей. Однако второе положение представляется уязвимым.

Атрибут далеко не всегда так тесно связан с определяемым, связь между ними далеко не всегда «заранее данная, готовая», как пишет автор. До тех пор, пока речь идет о примерах вроде *the little boy* ‘маленький мальчик’, *my brother* ‘мой брат’, *his life* ‘его жизнь’ и тп. (примеры А.И. Смирницкого), тезис автора кажется убедительным. Но ведь та же связь имеет место и в таких сочетаниях, где соотношенность определения с определяемым неожиданна, в сочетаниях, которые никак не могут быть признаны «заранее данными, готовыми», ср. Хотя бы *envious moon, dear perfection, stony limits*⁴ (W. Shakespeare. *Romeo and Juliet*, Act II, Scene II): без этого была бы невозможна не только поэзия, но и вообще образность, остроумие и тп., свойственные хорошей речи в любой ее разновидности.

Аналогичным образом, связь, которую А.И. Смирницкий называет комплетивной, отнюдь не всегда вводит в предложение слова «как самостоятельные единицы»: как хорошо известно, многие глаголы, а кроме них

⁴ букв.: завистливая луна, драгоценное / милое совершенство, каменные пределы.

– существительные, прилагательные, наречия, – принципиально не реализуют своего лексического значения без обязательного комплемента – который, однако, остается при этом присловным распространителем, то есть не образует с распространяемым словом единого компонента предложения (*Утро в этом доме всегда начиналось ссорами и криком; Зрители уходят, не дождавшись окончания спектакля; Спектакль закончился раньше обычного*).

Если же отказаться от различения атрибутивной и комплетивной связей, то придется объединить их – и в таком случае мы окажемся перед традиционной триадой: предикативная, подчинительная (= атрибутивная + комплетивная) и сочинительная (= копулятивная) связи. Однако стоит подчеркнуть, что А.И. Смирницкий был одним из тех ученых, чьими усилиями эта триада – включающая предикативную связь! – и утвердилась в отечественной синтаксической традиции.

5. А.М. Мухин, изучая структуру простого предложения (на материале английского языка), различает 1) **ядерную предикативную связь**; 2) **неядерную предикативную связь**; 3) субординативную связь; 4) аппозитивную связь; 5) координативную связь; 6) интродуктивную связь [Мухин 2004].

Первые два типа включают то, что у О. Есперсена охватывается понятием нексуса (хотя они не исчерпывают содержания этого понятия): это (1) двунаправленная связь между подлежащим и сказуемым и (2) двунаправленная связь между зависимым от сказуемого компонентом (например, дополнением) и вторичным предикатом к нему (ср. приведенные выше примеры О. Есперсена и приводимые А.М. Мухиным примеры из С. Моэма: *They had heard no one walk along the verandah; I did not believe him capable of love; I found him talking to a workman*⁵).

Субординативной А.М. Мухин называет подчинительную связь (в соответствии с англоязычной традицией: subordination); однако в его трактовке субординативная связь не просто однонаправленна (что было бы очевидно) – она направлена от подчиняемого компонента к подчиняющему: если некоторые словоформы в некотором предложении:

трактуются как зависимые компоненты... по отношению к сказуемому, [то] последнее... никак не квалифицируется по отношению к ним. Это значит, что синтаксическая связь направлена не от сказуемого к указанным элементам, а наоборот [Мухин 2004: 33].

Координативная связь (ср. англ. coordination) – то же, что сочинение. Ее важнейший отличительный признак, по А.М. Мухину, заключается в ненаправленности: в отличие от всех других типов связи, «координативная связь вообще не служит основанием для противопоставления одного из связываемых ею компонентов другому» [Мухин 2004: 92].

⁵ ‘Они не слышали, чтобы кто-нибудь ходил по веранде’, букв. «Они слышали никого ходить по веранде»; ‘Я не верил, что он способен любить’, букв. «Я не верил его способный на любовь»; ‘Я нашел его говорящий с рабочим’.

Вводя понятие **интродуктивной** связи, А.М. Мухин сближает свою позицию с точкой зрения тех синтаксистов, которые в свое время предприняли немало усилий, стремясь доказать включенность вводного компонента в грамматическую структуру предложения. В трактовке автора это однонаправленная связь, сходная с субординативной, но отличающаяся от нее направленностью от зависимого компонента (в данном случае вводного) не к одному господствующему слову, а ко всему предложению в целом.

Наконец, **аппозитивная** связь – это связь между приложением и определяемым существительным. Обычно в этом случае констатируют либо разновидность подчинительной связи (неполное согласование или так называемое номинативное примыкание), либо сочинительную связь. Оба решения уязвимы, так как 1) вектор подчинения в аппозитивных сочетаниях трудноопределим или вообще неопределим, а возможность перестановки приложения и антецедента, существующая почти всегда, отменяет предположение о подчинении; 2) сочинительные отношения всегда могут быть актуализированы сочинительной связью, то есть введением сочинительного союза; аппозитивные сочетания такой операции не допускают. Поэтому заслуживает поддержки позиция А.М. Мухина⁶, констатирующего в данном случае особый вид связи и подчеркивающего ее существенный отличительный признак: приложение связано не только с антецедентом, но и – опосредованно, через него – с тем компонентом предложения, с которым связан антецедент, что становится очевидным при метатезе приложения и антецедента [Мухин 2004: 78]. Другое дело – вопросы, как эту связь именовать и как определить ее место в системе синтаксических связей.

Концепция А.М. Мухина в определенном смысле противостоит названным выше концепциям О. Есперсена, Л. Ельмслева, Л. Теньера, даже А.И. Смирницкого. Если последние могут быть названы «минималистскими», стремящимися обнаружить в предложении наиболее фундаментальные типы синтаксической связи, отвлекаясь от деталей, то первая, наоборот, стремится учесть всё. Однако система синтаксических связей, выстраиваемая А.М. Мухиным, по сути, повторяет структуру предложения – разумеется, такую, какой видит ее автор. Исследователь не считает необходимым различать компоненты, которые традиционная грамматика именуется второстепенными членами предложения:

все те элементы, которые именуется определениями, дополнениями, обстоятельствами, представляют собой в сущности один и тот же компонент предложения, а именно зависимый, который может быть выражен различными частями речи [Мухин 2004: 4].

Именно это решение позволило автору выделить один тип связи – субординативный; в противном же случае система насчитывала бы, вероятно, не 6, а 8 типов связи, и вместо субординативной связи в ней фигурировали

---

⁶ Сходного взгляда на эту проблему придерживаются и некоторые другие синтаксисты, в частности В.Г. Гак (см. ниже), Г.Г. Семкина [Семкина 2009].

бы определительная (или атрибутивная), дополнительная (или объектная) и обстоятельственная⁷.

Необходимо еще отметить, что основанием для всех умозаключений А.М. Мухину служат эксперименты, которые заключаются в опущении того или иного компонента предложения, в перестановке компонентов или в замене компонента синонимичным. Формальные признаки постулируемых связей автор не рассматривает. Между тем ясно, что, опустив какой-то компонент предложения и убедившись в том, что без него предложение становится неполным, недееспособным и тп., мы получаем сведение о том, что этот компонент требуется структурой предложения, входит в нее как ее неотъемлемая часть, – то есть получаем сведение о синтаксическом отношении, в которое этот компонент включен: ведь структура и есть совокупность компонентов и отношений между ними. Но при этом мы не получаем никакой информации о той связи, с помощью которой данное отношение воплощается в словесной ткани предложения. Выстроенная А.М. Мухиным система синтаксических связей есть на самом деле система синтаксических отношений: именно по этой причине она фактически повторяет структуру предложения в понимании автора. Аналогичное верно и в отношении концепции А.И. Смирницкого.

6. В.Г. Гак в своей «Теоретической грамматике французского языка» посвящает синтаксическим связям отдельную главу. Прежде всего он, хоть и в неявной форме, дает достаточно ясное определение синтаксической связи:

Основные единицы синтаксиса – словосочетание и предложение (обычно) состоят из двух или более компонентов, которые находятся в определенных структурно-семантических отношениях, выражаемых синтаксической связью [Гак 2000: 501]

– откуда следует, что синтаксическая связь понимается как способ / средство выражения структурно-семантических отношений между компонентами словосочетания или предложения. Это понимание далее углубляется:

«Синтаксическая связь – двуплановая сущность, характеризуемая определенной формой и определенным обобщенным значением», причем под формой связи подразумевается собственно средство выражения, а под содержанием – «отношения, которые могут устанавливаться в объективном мире между предметами и событиями» [Гак 2000: 502].

⁷ Нечто подобное находим в учебнике [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981]. Не проводя различия между связями и отношениями, авторы в разделе 2.1.3, посвященном синтаксическим связям, выделяют 2 ряда отношений: статусные и комбинаторные. Отношения в первом ряду, включающем сочинение, подчинение, взаимозависимость и аккумулятивную связь, определяются взаимным статусом компонентов. Комбинаторные же отношения, определяемые «комбинаторикой определенных классов слов», более конкретны и включают 5 типо[в:] «предикативные – объектные – обстоятельственные – атрибутивные – экзистенциальные» (последние устанавливаются между компонентами составного сказуемого).

Трем основным семантическим типам отношений: равноправия, зависимости и недифференцированности – соответствуют в плане выражения три основных типа связи: **сочинение**, **подчинение** и **соположение** (связь, не выраженная особыми морфологическими или синтаксическими средствами, но только интонацией) (Там же: п/ж шрифт мой. – М.Д.).

Сочинение и соположение автор объединяет в более общем понятии *паратаксиса*, так как, по его мнению, оба этих вида связи оформляют «отношения синтаксически равноправных элементов», в то время как подчинение, выражающее зависимость, можно обозначать термином *гипотаксис* [Гак 2000: 503].

В.Г. Гак посвящает особый раздел «Средствам выражения синтаксических отношений», к которым относит согласование, управление, лексические средства (предлоги, союзы, артикли), десемантизированные слова, порядок слов, интонацию.

Поскольку в системе связей, выстраиваемой автором, не оказывается места для взаимно-направленной связи – предикативной, – В.Г. Гак, сделав соответствующую оговорку (со ссылкой на Ф. Де Соссюра, указывавшего на имеющую место в этом случае взаимозависимость), избирает решение рассматривать эту связь как согласование «в широком смысле» [Гак 2000: 510].

7. Из приведенного обзора видно, что в теории синтаксиса нет ни единства по поводу сущности синтаксической связи, ни единого подхода к идентификации типов связи и их классификации. Главное же, что становится очевидным, – фактическое совпадение понятий синтаксической связи и синтаксического отношения в рассмотренных концепциях. Это совпадение позволяет судить о принципиальной общности метода, объединяющего все названные системы – хотя, разумеется, говоря «принципиальная общность», я подразумеваю лишь **неполное** тождество метода.

Понятие типа связи может совпадать с понятием типа синтаксической единицы – но единица в этом случае определяется на основании выявляемых в ней отношений между компонентами (юнкция и нексус у О. Есперсена).

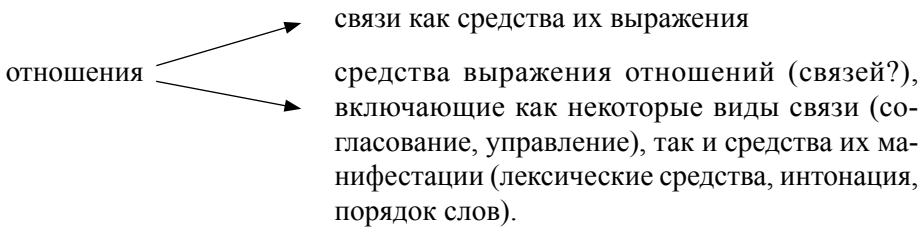
Классификация типов связи может фактически повторять классификацию членов (и даже не только членов) предложения: таковы типологии А.И. Смирницкого и А.М. Мухина. Члены же предложения, как очевидно, выделяются на основании устанавливаемых синтаксических отношений.

На синтаксических отношениях базируются и типологии Л. Ельмслева, Л. Теньера и «традиционная». Классификация В.Г. Гака совмещает понятия, выявляемые на основании отношений (сочинение и подчинение), и понятие, выявляемое на основании формального проявления (соположение), но последнее в итоге включается в паратаксис, в результате чего в окончательной типологии снова господствуют отношения.

Таким образом, принципиально общий метод, объединяющий названные концепции, может быть охарактеризован как неартикулируемая **презумпция тождества синтаксических связей и отношений**. Трактовки собственно понятия связи в названных концепциях различны в большей мере внешне, чем

внутренне. Чаще всего синтаксическая связь эксплицитно не определяется, но анализ показывает, что она отождествляется с отношением. В других случаях эти понятия прямо приравниваются друг к другу; в третьих они дифференцируются, но при этом специальное внимание уделяется средствам выражения связей: в итоге термины *связь* и *отношение* все-таки употребляются синонимично, а вместо понятия связи возникает дополнительное понятие средства ее (или отношения?) выражения.

Показательно, что в тех двух из рассмотренных шести концепций (не считая «традиционной»), где метод хотя бы отчасти декларируется – то есть дается определение синтаксической связи, – исходные положения не выдерживаются. Л. Теньер, отступая от собственного определения синтаксической связи, вводит понятие юнкции, а позже добавляет к нему – без должных оговорок – понятия сочинительной связи, паратаксиса и гипотаксиса. В.Г. Гак сводит трехчленную классификацию к двучленной и вводит понятие средства выражения синтаксических отношений, дублирующее понятие связи по характеристике, но не по содержанию, – и получает двойную типологию:

Подобные отступления от декларированного метода свидетельствуют не столько о непоследовательности авторов, сколько о сложности объекта описания. Невольно вспоминается знаменитая формула В.К. Третьяковского, писавшего о слогоделении: «Всяк с первого взгляду скажет, что разделение складов само собой тотчас познавается, но в самой вещи хитровато оно» [Третьяковский 1748: 292]. Возможно, создатели других рассмотренных концепций потому и воздерживались от декларации метода и от эксплицитных дефиниций, что хорошо отдавали себе отчет в сложности объекта и, следовательно, в затруднительности полного охвата описываемого круга явлений.

Однако это не означает, что декларировать метод не следует. Это означает лишь то, что метод (неартикулируемой) презумпции тождества синтаксических связей и отношений не оправдывает себя.

8. Рассмотрим еще одну концепцию – на этот раз современную. В данном случае перед нами типология не связей, но отношений: речь идет о модели «Смысл ↔ Текст», разрабатываемой И.А. Мельчуком и рядом его единомышленников и последователей. В последней версии этой типологии насчитывается **65 синтаксических отношений** [Апресян и др. 2010: 23]⁸, объединенных

⁸ Автор раздела 1.2. «Синтаксические отношения» Л.Л. Иомдин.

в 4 группы: **актантные, атрибутивные, сочинительные и служебные**. При этом абсолютно все отношения рассматриваются как разновидности отношений зависимости, которая в данной теории строго трактуется только как зависимость одного слова от другого:

Каждое слово предложения, кроме одного (называемого вершиной предложения), зависит от какого-то другого слова по одному из синтаксических отношений. Отношения связывают только отдельные слова, а не словосочетания [Там же].

Такое понимание опирается на интерпретацию структуры предложения как дерева зависимостей [Апресян и др. 2010: 21]⁹.

Таким образом, и отношение между подлежащим и сказуемым, и сочинительные отношения – как и все другие – интерпретируются в данной модели как случаи односторонней синтаксической зависимости (двусторонних в этой модели не существует)¹⁰.

Можно было бы предполагать, что, идя противоположным, по сравнению с предшественниками, путем, то есть стремясь получить типологию не связей, но отношений, авторы могли либо отталкиваться от некоторой заданной типологии связей, либо получить ее в качестве побочного продукта – подобно тому, как Л. Ельмслев, строя типологию связей, фактически пришел к изысканной типологии синтаксических отношений. Ведь опорой авторам служит следующая посылка: «Основанием для различения синтаксических отношений являются различия в синтаксических средствах, скоррелированные с различиями в значениях» [Апресян и др. 2010: 24]; внимание к синтаксическим средствам не есть ли внимание к связям?

Это ожидание, однако, не оправдывается. Авторы, например, различают оттенки атрибутивных синтаксических отношений в следующих случаях: *красивый мальчик* (собственно определительное), *день на пятый* (аппроксимативно-определительное), *Разгневанный, он...* (описательно-определительное) и др. Это означает, что авторы учитывают не только характер связи (в приведенных примерах он один и тот же), но и другие параметры, которые не всегда могут быть охарактеризованы как собственно «синтаксические средства» (ср. Порядок компонентов – и их морфологический характер). А это, в свою очередь, означает, что авторы – вполне оправданно – закрепляют выражение некоторого отношения не просто за некоторым типом связи, но за некоторой **конструкцией**. В итоге авторы и получают, в сущности, типологию **элементарных синтаксических конструкций** русского языка, за каждой из которых закреплена определенная разновидность базовых синтаксических отношений.

⁹ Менее развернутая и менее радикальная версия этой концепции представлена также в работе [Тестелец 2001].

¹⁰ Следует отметить, однако, что в разделе 2.7. «Сочинительные союзы и синтаксические конфликты» сочинение отнюдь не рассматривается как разновидность отношений зависимости, оппозиция сочинения – подчинения трактуется как базовая [Апресян и др. 2010: 226–237] (автор раздела И.М. Богуславский).

Некоторая типология связей в исходных позициях авторов, надо полагать, присутствовала, но экспликация в указанной работе, к сожалению, не получила.

9. Из изложенного в п. 8 вытекает, что метод, от применения которого можно ожидать более адекватной типологизации синтаксических связей, должен опираться на **различение** не только **связей и отношений**, но также **связей и конструкций**. Синтаксическая конструкция – это, с одной стороны, сложное образование, в котором поддаются вычленению синтаксические отношения и средства, при помощи которых они выражаются; в число этих средств входит синтаксическая связь, но она отнюдь не покрывает их полностью; с другой стороны – это элементарная данность, минимальный фрагмент речевого потока, способный служить исследователю опорой в поисках типов и видов как отношений, так и связей. Следовательно, целесообразен **индуктивный** путь: **от конструкций – к связям**. Примером исчисления конструкций (разумеется, не единственным, но одним из надежных) может служить рассмотренная концепция [Апресян и др. 2010: 23].

10. Прежде чем продвигаться по намеченному пути, необходимо все же дать хотя бы рабочее определение синтаксической связи. В этом определении должна быть отражена прежде всего корреляция между синтаксическим отношением и синтаксической связью. Рассмотрим группу примеров, объединенных одним и тем же типом связи, но реализующих разные отношения:

- а) *яйцо вкрутую* (атрибутивные отношения);
- б) *танцевал вприсядку* (обстоятельственные отношения);
- в) *танец вприсядку* (атрибутивно-обстоятельственные отношения);
- г) *приказал выдвигаться* (изъяснительно-объектные отношения);
- д) *приказ выдвигаться* (атрибутивно-изъяснительные отношения).

Подобные серии примеров нетрудно привести для любого другого вида синтаксической связи. Они с очевидностью демонстрируют тот факт, что **связь не устанавливает отношения, а лишь проявляет их** – с той или иной степенью четкости. В (д), например, атрибутивно-изъяснительные отношения между *приказ* и *выдвигаться* устанавливаются не потому, что использовано примыкание, а потому, что *приказ* – девербатив со значением, входящим в известную группу лексем речи, мысли, чувства, волеизъявления и др., требующих изъяснения, а *выдвигаться* – глагол, обозначающий такое действие живого существа, к которому его можно побудить (ср. странность или невозможность словосочетаний **приказ сломаться*, **приказ вкрутую*, **яйцо выдвигаться*). Именно благодаря тому, что эти слова семантически предрасположены к вступлению в указанные отношения, мы воспринимаем их сочетание как реализацию этого отношения, а при анализе констатируем наличие между ними данной разновидности подчинительной связи, в то время как в **яйцо выдвигаться* мы не обнаруживаем ни атрибутивно-изъяснительного отношения, ни связи примыкания.

Таким образом, **синтаксическая связь – это способ актуализации синтаксических отношений между компонентами конструкции, устанавливаемых**

волей говорящего, но только при том условии, что сочетаемые компоненты вообще способны вступить в какие-либо отношения.

11. Там, где возникает понятие актуализации, возникает и сопутствующее понятие – **меры**, или степени, **актуализации**. Могут различаться, в общем случае, три степени актуализации одного и того же отношения: минимальная (нулевая), средняя и максимальная. Эти три степени с очевидностью представлены в трех типах сложных предложений:

- а) *Чин следовал ему; он службу вдруг оставил* (БСП);
- б) *Чин следовал ему, а он службу вдруг оставил* (ССП);
- в) *Хотя чин следовал ему, он службу вдруг оставил* (СПП).

В БСП (а) отношения между компонентами представлены с минимальной степенью актуализации и конкретизации, предельно диффузно; в этих отношениях могут угадываться одновременно и противопоставление, и следование (во времени), и уступка, и неожиданность следования второй ситуации после первой (последнее получает во второй части лексическое выражение – *вдруг*). Но «отношения могут угадываться» не значит «отношения выражены». Минимальная степень актуализации отношений – это, в сущности, нулевая степень: способ актуализации – то есть собственно связь – заключается в простом соположении компонентов (юкстапозиции), которое является лишь сигналом возможного наличия отношений, но никак эти отношения не вскрывает.

В ССП (б) степень актуализации и конкретизации выше: уступительная семантика здесь исключена, отношения представлены как противопоставление (точнее, сопоставление несопоставимых, с точки зрения говорящего, фактов) следующих друг за другом ситуаций, лексическое выражение неожиданности (*вдруг*) выглядит факультативным, поскольку значение несоответствия уже выражено союзом.

В СПП (в) степень актуализации и конкретизации наибольшая: отношения представлены только как уступительные, семантика противопоставления и следования во времени приглушена, лексическое выражение неожиданности выглядит излишним.

12. Таким образом, изучение существующих связей прежде всего приводит к постулированию **соположения** как широко распространенного типа синтаксической связи – в чем мы отчасти следуем за В.Г. Гаком.

Необходимо подчеркнуть, что соположение – не просто широко распространенный, но наиболее фундаментальный тип синтаксической связи. Другие типы связи не противопоставляются соположению, а включают его¹¹. Следовательно, соположение не образует с другими типами связи оппозицию; различия в данном случае носят неоппозитивный характер.

---

¹¹ Поскольку существуют разновидности связи, не требующие обязательно контактного расположения компонентов, термин *соположение* представляется более предпочтительным, нежели *юкстапозиция*, в значение которого обычно включают сему контактного расположения.

В целях терминологической последовательности различие между соположением и другими типами связи можно обозначить как различие **коннексии** и **иннексии**.

Коннексия (< лат. *Con* 'с, со' + *necto, nexum* 'вязать, связывать') – это в известном смысле механическое совмещение элементов: придание им статуса компонентов интегрированного целого не сказывается на их форме, структуре, семантике, а само интегрированное целое в структурном отношении представляет собой, грубо говоря, сумму компонентов, и если подвергнуть его «обратному» расчленению, то и получим исходные элементы, без какого бы то ни было остатка.

Иннексия (< лат. *In* 'в') – это такое соединение элементов конструкции, при котором в их форме, структуре, семантике происходят известные изменения с целью приспособить, «приладить» один элемент к другому, «состыковать» их, если прибегнуть к столярной метафоре, по принципу «паз + шип» или «паз + скрепа + паз». В иннективных конструкциях происходит (взаимное) проникновение одного элемента в другой (ср. взаимное воздействие подлежащего и сказуемого в прототипическом глагольном предложении) и/или возникает специализированное средство связи, самим фактом своего существования уже оказывающее воздействие на оба соединяемых компонента (предложные и союзные конструкции).

Внутри иннективных связей целесообразно различать связи **без лексикализованного коннектора** – и **с наличием** его. Смысл этого различения заключается в том, что лексикализованный коннектор обычно обеспечивает более высокую степень актуализации отношения: не случайно сам коннектор нередко воспринимается как имя отношения (ср. встречающиеся в лингвистических работах номинации *и-функция*, *или-отношение*). В итоге, если отвлечься от различия в статусе коннексии и иннексии как двух фундаментальных типов связи, с одной стороны, и двух разновидностей иннексии, имеем **три типа связи**, в наиболее общем виде охватывающих совокупность синтаксических конструкций, возможных в русском языке:

Таблица 1

**Общая типология синтаксических связей
как способов актуализации синтаксических отношений**

Степень актуализации отношений	Манифестация связи		
	только соположение	соположение + специализированное средство	
0	коннексия		
1		иннексия без лексикализованного коннектора	
2			иннексия с лексикализованным коннектором

Остается заметить, что устанавливаемое в табл. 1 соотношение степени актуализации отношений и типа связи является лишь общим ориентиром. Из приведенного в п. 11 примера видно, что иннексия с лексикализованным коннектором (в ССП (б)) может реализовать не высшую, а среднюю степень актуализации отношений. Однако в качестве общего ориентира представленная картина может – во всяком случае, на данном этапе – рассматриваться как удовлетворительная. (Подробнее см. Дымарский 2010)

Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заглавие статьи, теперь можно сказать: если метод навязывается языку без последовательной опоры на собственно языковые факты, то лучше уж язык без метода, чем метод без языка. Но еще лучше – попытаться спросить у самого языка, какому методу он откроет тайны своего устройства.

Литература

- Leszczak O., 2008, *Lingwosemiotyczna teoria doświadczenia*, т. 1. *Funkcjonalno-pragmatyczna metodologia badań lingwosemiotycznych*, Kielce.
- Leszczak O., 2009, *Lingwosemiotyczna teoria doświadczenia*, т. 2. *Doświadczenie potoczne a językowy obraz świata*, Kielce.
- Leszczak O., 2010, *Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu*, Toruń.
- Апресян Ю.Д. (отв. ред.), Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Санников В.З., 2010, *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*, Москва: Языки славянских культур.
- Гак В.Г., 1988, Л. Теньер и его структурный синтаксис [в:] Л. Теньер, *Основы структурного синтаксиса*, Москва: Прогресс, с. 5–21.
- Гак В.Г., 2000, *Теоретическая грамматика французского языка*, Москва.
- Дымарский М.Я., 2010, Коннексия и иннексия как базовые принципы организации языковых структур, *Acta Neophilologica XII*, Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, с. 27–39.
- Ельмслев Л., 1960, Прологомены к теории языка [в:] *Новое в лингвистике*, вып. 1, Москва.
- Есперсен О., 2006, *Философия грамматики*, Москва: КомКнига.
- Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г., 1981, *Теоретическая грамматика современного английского языка*, Москва.
- Мухин А.М., 2004, *Эксперимент и моделирование в лингвистике: Структурный синтаксис предложения*, Санкт-Петербург.
- Семкина Г.Г., 2009, К вопросу об аппозитивной синтаксической связи [в:] *Лингвистическое наследие Шарля Балли в XXI веке: М-лы междунар. науч.-практ. конф.*, Санкт-Петербург, с. 94–97.
- Смирницкий А.И., 1957, *Синтаксис английского языка*, Москва.

- Теньер Л., 1988, *Основы структурного синтаксиса*, пер. с франц., вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака, Москва.
- Тестелец Я.Г., 2001, *Введение в обций синтаксис*, Москва.
- Третьяковский В.К., 1748, *Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи...*, Санкт-Петербург: При Императорской Академии Наук.